

Кулинок С. В.
**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО НАЦИСТСКОЙ КАРАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ
«ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК» (АПРЕЛЬ – МАЙ 1944 Г.)¹**

Карательные операции нацистов на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны за весь послевоенный период изучены недостаточно. Подготовлено несколько общих работ [5], архивистами опубликовано несколько сборников по крупным анциям: «Зимнее волшебство», «Коттбус», «Корморан» [2–4]. Для советской исторической науки характерны следующие особенности исследования темы:

- Идеологический контроль над «неудобными» аспектами темы (потери партизан; успешные действия оккупантов в период акций; просчеты командования «лесных солдат» и руководства Белорусского штаба партизанского движения и др.);
- Опора при изучении темы практически только на «партизанские» документы и практически полное игнорирование материалов противоборствующей стороны;
- Игнорирование целого ряда важнейших аспектов, связанных с этой темой.

Во-первых, причин проведения карательных операций. В каждом отдельном случае они могли быть разные: оттеснение «народных мстителей» от коммуникаций противника (в период интенсивных боев на фронтах); «срезание» партизанских зон и краев; очистка оперативных тылов воинских формирований. Например, операция «Коттбус» напрямую взаимосвязана с такими крупными операциями немцев на оккупированной территории РСФСР как «Цыганский барон», «Вольный стрелок», «Помощь соседу», а также с операцией «Висла» на Украине. Эти операции имели две цели одновременно – очистить от партизан районы, где они базировались, и отодвинуть их от железнодорожных путей в период подготовки и проведения операции «Цитадель» на Курской дуге и обеспечить необходимые условия для доставки войск, боеприпасов и продовольствия непосредственно в прифронтовой район.

Во-вторых, шаблонный показ механизма деятельности оккупантов и игнорирование развития и разнообразия тактических приемов немцев и их пособников. Например, в период проведения операции «Весенний праздник» тактика действий карателей несколько раз менялась. Первоначально использовался метод «кувалда», когда партизанскую оборону просто прорывали с помощью лобовых атак. Скорее всего, первоначальный оперативный рисунок операции заключался в том, чтобы прорвать партизанскую оборону в нескольких местах и «вбить» в партизанскую оборону несколько мощных клиньев (метод «Vortreiben starker Stoskeile»). После этого само внутреннее пространство кольца окружения можно было «резать» на части, образуя «котлы», в которых одновременно или последовательно уничтожить партизанские очаги сопротивления. Однако такой прием не прошел. Готтберг, поняв, что прорвать оборону народных мстителей очень сложно, изменил оперативный рисунок операции. Он перешел к применению другого приема – к сужению кольца окружения путем одновременного продвижения к центру «котла» всех блокирующих частей (прием Kesseltreiben) – своеобразное «удушение удавкой».

В-третьих, до сих пор не до конца определены результаты и потери в карательных операциях. Данные о немецких потерях, которые приводят партизаны, даже невооруженным взглядом в ряде случаев говорят о явных завышениях. Поэтому анализ документальных источников по карательным операциям, привлечение максимально широкого круга источников имеет важнейшее значение. Операция «Весенний праздник» в этом отношении достаточно показательна.

К апрелю 1944 г. в Полоцко-Лепельской партизанской зоне было сконцентрировано 16 партизанских бригад и партизанский полк под командованием И. Садчикова. Партизанским командованием даже рассматривался вопрос о самостоятельном захвате г. Полоцка. Однако к концу марта немецкое военное и полицейское руководство приняли решение о проведении карательной операции. Ее цель «срезание» партизанской области в тылу 3-й танковой армии в период подготовки к советскому летнему наступлению. По распоряжению оперативной группы Полоцко-Лепельской зоны «лесные солдаты» построили многочисленные оборонительные укрепления общей протяженностью 230 километров. Для проведения операции «Весенний праздник» в общей сложности было привлечено около 60 тыс. немецких солдат и их пособников, 137 танков, 236 орудий, 70 самолетов и 2 бронепоезда [1, с. 351–384].

Данные о проведении немцами операции встречаются в разведывательных сводках Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) за апрель-май 1944 г. [8, л. 1–437].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг. ».

Основная информативная часть «партизанских» документов сконцентрирована в историях партизанских бригад, в том числе тех, которые оказались в окружении в период карательной операции. В качестве примера приведем материалы о 1-й Антифашистской бригаде, которая оказалась практически полностью уничтоженной в этой операции: «Отчет партизанской бригады о боевой деятельности за апрель—май 1944 г.» от 5 июня 1944 г. [12, л. 165–168]; «Справка командования бригады об обстоятельствах ранения и смерти комбрига В. В. Гиль-Родионова» от 5 июня 1944 г. [12, л. 145]; «Из истории партизанской бригады» [11, л. 19–23]. Аналогичный пример можно привести и с документами по бригаде им. К. Е. Ворошилова [7, л. 1, 32, 33, 38–44, 61; 9, л. 76–77; 10, л. 143–144] и другим бригадам Полоцко-Лепельской зоны. Отметим, что истории партизанских бригад писались уже после освобождения Беларуси, поэтому к этим документам надо относиться с определенной долей критики.

Значительный интерес представляют материалы, связанные с принятием решения о прорыве из «кольца» [13, л. 650–655]. Подробный ход операции представлен в «Докладной записке оперативной группы ЦШПД и БШПД в представительство БШПД на 1-м Прибалтийском фронте с карателями в Полоцко-Лепельской партизанской зоне в апреле—мае 1944 г.» [6, л. 2–91].

Наиболее массовым и интересным видом документов по данной теме являются шифротелеграммы партизанских соединений и руководящих органов партизанского движения (БШПД, представительств и т. д.). Они сконцентрированы в фонде № 1450 в описи № 23. Ценность этих документов заключается в том, что они создавались непосредственно в период карательной операции и касаются различных ее аспектов (координаций действий; вопросов прорыва; помощи советской авиации; непосредственно боевых действий). В быстро меняющихся условиях посредством радиосвязи оперативно решались многие вопросы. Всего выявлено более 300 шифр и радиограмм по данной проблеме. Их сопоставление и анализ по-новому позволяют посмотреть на ход и результаты операции «Фрюлингсфест», в том числе определить просчеты советского партийного и военного руководства.

Безусловно, необходимо указать и важнейшие немецкие документы, связанные с проведением этой антипартизанской операции. В первую очередь, это подробный «Отчет о боевых действиях в операции «Весенний праздник» [30, f. 000836–000858], «Итоговая сводка обобщенного опыта боевых действий операции «Весенний праздник» [30, f. 000816–000819], «Пропаганда, разведка и воздушная разведка в ходе операций «Ливень» и «Весенний праздник» [31, f. 00197–00199], «Телеграмма о действиях группы Каминского и поведении врага» [31, f. 00107].

Ряд немецких документов были выявлены в Российских архивах. Например, в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде № 625. Так, в нем содержатся приказы по особому батальону СС Дирлевангер от 14 и 19 апреля 1944 г. [27, л. 176–179; 28, л. 300–301]. Отметим также «Сообщение начальника оперативной группы по Полоцко-Лепельской партизанской зоне полковника В. Е. Лобанка заместителю начальника Белорусского штаба партизанского движения И. П. Ганенко о подготовке немецких войск и бригады РОНА к операции против партизан» от 14 апреля 1944 г. В документе отмечалось: «По данным агентурной разведки 1-й и 3-й полки предателей Каминцев и одной из дивизий танковой армии дан приказ в ближайшее время провести удар от Лепеля в направлении Ушачи. Удар предполагается нанести в треугольнике направлением из Лепеля на Заборовье, Подлобное и Острово, а также со стороны Полоцка будут поддерживаться танками и авиацией» [27, л. 315]. Таким образом, партизанская разведка располагала сведениями о подготовке немцами крупной карательной операции.

В фондах Центрального архива Министерства обороны хранятся «Оперативные донесения штаба 3-й танковой армии штабу группы армий «Центр» [29, л. 1–4, 8–10, 17–18, 23–24].

Также отметим картографический материал из фонда № 1450 опись № 24. Это карта дислокации партизанских формирований Витебской области на апреля 1944 г. [14], а также оперативная карта боевых операций Лепельской партизанской бригады им. И. В. Сталина против карательной акции военно-полицейских сил противника «Весенний праздник» [15] и оперативной обстановки в районе Ушачской зоны [16–26].

Конечно, источниковая база по данной карательной операции значительно шире и разнообразнее. Мы привели лишь отдельные группы и виды документов, а также наиболее важные и информативные источники. Лишь комплексное использование документов (компаративистика) советской и немецкой стороны, а также иллюстративных материалов позволит исследователям объективно и беспристрастно исследовать этот сложный и важный вопрос военной истории Беларуси.

1. Жуков, Д. А. Дважды предавшие. Бригада СС «Дружина» / Д. А. Жуков, И. И. Ковтун. – М.: «Вече», 2019. – 448 с.
2. «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль–март 1943 г.: док. и материалы. – М., 2013. – 512 с.
3. «Корморан». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1944 г.: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев [и др.]. – Минск, 2020. – 712 с.

4. «Коттбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1943 г. : док. и материалы / сост.: В. Д. Селеменев [и др.]. – Минск : НАРБ, 2018. – 636 с
5. Карательные акции в Беларуси / сост.: В. Я. Герасимов, С. М. Гайдук, И. Н. Кулан. – Минск : Сталія, 2008. – 164 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 600.
7. НАРБ. – Ф. 1403. Оп. 1. Д. 559.
8. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 7.
9. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 46.
10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 47.
11. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 217.
12. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 218.
13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 23. Д. 113.
14. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 238.
15. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 249.
16. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 256.
17. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 257.
18. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 258.
19. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 259.
20. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 260.
21. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 261.
22. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 262.
23. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 263.
24. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 264.
25. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 265.
26. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 266.
27. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 625. Оп. 1. Д. 40.
28. РГАСПИ. – Ф. 625. Оп. 1. Д. 43.
29. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). – Ф. 500. Оп. 12479. Д. 1287.
30. Nationan Archives and Records Administration (NARA). – T-311. R. 218.
31. NARA. – T-313. R. 305.

Пастернак А. М.

ПИСЬМА М. Ф. ШМЫРЕВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

На сегодняшний день о героической борьбе и трагической судьбе первого на Витебщине партизанского отряда – М.Ф. Шмырева (Батьки Миная) написано немало. Тем не менее, остается актуальной необходимостью обращения к исследованию личности героя и его жизни после освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Цель работы – раскрыть информационный потенциал писем М.Ф. Шмырева, которые хранятся в фондах учреждения культуры «Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева», к Анне Александровне Шмыревой. Существует мнение, что Анна Александровна – сестрой легендарного командира (он сам так обращается к ней в переписке), однако на основании изучения писем мы не исключаем, что речь может идти о жене брата М.Ф. Шмырева Михаила, убитого в 1921 г. При цитировании сохранены орфография и пунктуация оригинала.

Нами проанализированы семь писем адресованных родственнице в период с 1944 по 1948 гг. Даная переписка в большинстве своем носит личный характер, однако, письма содержат информацию о периоде послевоенного восстановления, быте населения.

Через все письма проходит тема личной трагедии М.Ф. Шмырева – трагической гибели детей зимой 1942 г. Шмырев пишет, что качество воспитания детей, их поведение, преданность, которую они проявили в то трудное время, зависит исключительно от качества состояния их родителей, их чести и достоинства, как людей, как работников [1, л. 1]. В письме, датированном 29 марта 1944 года Минай Филиппович описывает портрет самого младшего своего сына Миши: «...Я все время им радовался, этот ребенок далеко был не похож на многих из современной молодежи. Это действительно ребенок взял, был все лучшее не только от своих родителей, но и все лучшее в нашей природе...» [1, л. 1]. Неоднократно в письме Шмырев пишет о себе, как о «мужчине крепкого характера», который не может говорить спокойно без слез о трагедии детей, и старается просто молчать. А с корреспондентами эту тему «детей» не обсуждать.

Из письма датированного 23 апреля 1944 г. мы узнаем, что М.Ф. Шмырев работает в Витебском облисполкоме в должности заместителя председателя по вопросам гособеспечения. Шмырев характеризует условия жизни населения в этот период. Из письма мы можем сделать выводы, что население живет в большой нужде. За период оккупации уничтожено буквально все – жилье, продовольственные запасы, люди живут в землянках наспех устроенных. Население очень болеет, есть случаи заболевания тифом. Минай Филиппович подчеркивает, что экономика очень слаба и средства на содержание семей фронтовиков и семей, оставшихся без крова нужны повседневно, но изыскать их на месте не представляется возможным. Именно в этом письме Шмырев впервые упоминает о своей первой жене Прасковье Ивановне, которая умерла в 1939 г. Он пишет, что «черные дни» в